

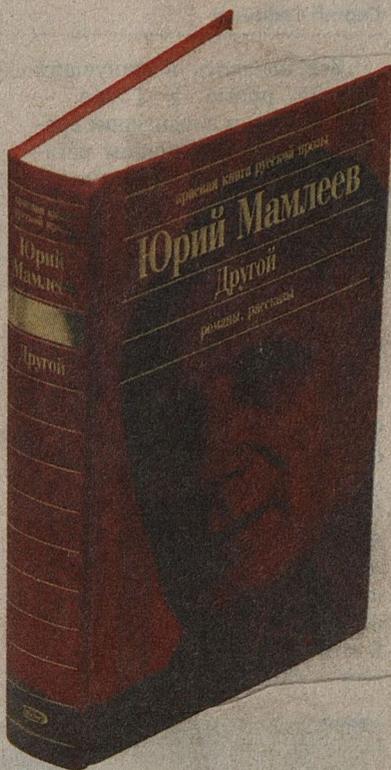
Сборник прозы Юрия Мамлеева «Другой»

Мир, готовься

Кирилл Решетников

Когда-то в 1960-х Юрий Мамлеев принадлежал к кругу людей, противостоявших непосредственно воспринимаемой действительности куда серьезнее и радикальнее, чем борцы с властью и диссиденты. Чаемая западниками-индивидуалистами свобода и независимость обретались в духовном подполье, дававшем возможность суверенного, автономного бытия. Бытия, казалось бы, абсолютно и безнадежно маргинального. И все же от того, что происходило на этом самом глубоком ярусе андеграунда, действительность менялась, причем таким образом, каким ее не могут изменить диссиденты, политики и публицисты. Ныне Мамлеев демонстрирует столь же глубокую независимость от современных литературных стандартов и неписанных правил, оставляя далеко позади всевозможных профессиональных альтернативщиков. Может показаться, что он оторван от современной литературы. На самом же деле он влияет на нее так, как не может никто из захваченных ее потоком. Влияние это сродни тому изменению реальности, на которое способны мамлеевские персонажи-мистики. Подобно им, Мамлеев выступает в качестве медиума, по крайней мере, медиума литературного: он устанавливает связь с одной почти утраченной традицией. В ней текст, не будучи самоценным, был свидетельством о том, что находится за пределами известного нам физического мира. Но Мамлеев — не только проводник в традицию, он — полноценный ее представитель.

Новый сборник из серии «Красная книга русской прозы» может претендовать на роль некоего резюме, помогающего нащупать общие контуры мамлеевской работы, высвечивающего ее альфу и омегу. Легендарные «Шатуны», давно занявшие место среди самых важных и сокровенных произведений XX века, уравновешены здесь только что законченным романом «Другой», давшим название всей книге. Не маленькая, но и не очень большая подборка рассказов, расположенных в основном по хронологическому принципу, в какой-то степени позволяет объять необъятное, делая обозримым путь, пройденный Мамлеевым за сорок лет. Новые рассказы — строже и просветленнее, чем старые. Сгущенный, дремучий и манящий сумрак шестидесятых, которым наполнены ранние вещи, оттенен бодрым хаосом наших дней. Читать «Другого» итоговым романом было бы неверно — хотя бы потому, что в нем, как всегда у Мамлеева, больше вопросов, чем ответов. С более ранними романами «Другого» связывают те же напряженные отношения сходства-различия, которыми эти романы связаны друг с другом. Главная тема здесь — поиск, который должен привести к выходу за сковывающие пределы, установленные пространством,

Юрий Мамлеев. Другой. — М.: Эксмо, 2006. — 672с.

временем и порочно-прагматичной цивилизацией. Круг людей, ведущих этот поиск, ограничен, и каждый действует по своему. Неприметный на первый взгляд молодой человек Лены Одинцов входит в контакт с неким Акимом Ивановичем, который представляет собой самую главную загадку, выступая как посланец Иного. Собственно говоря, этот обладатель старомодного русского имени — полпред другого человечества, другого исторического цикла. Но показывается он редко, и людям, связанным с Леной, приходится искать тех, кто мог бы помочь возобновить контакт. В двери, за которыми открываются иные миры, отчаянно ломится могущественный и богатый мистик Трофим Лохматов — глава тайной общины, в которой все живут по столь же странному, сколь и неслучайным законам. В отличие, скажем, от «Блуждающего времени» «Другой» — роман пассионарный и гражданственный. Слог Мамлеева как бы несколько наивен, но наивность эта — та же, что была, скажем, у Платонова и Гоголя. Никаких так называемых литературных приемов здесь нет — Мамлеев имеет в виду именно то, что говорит. В «Другом» происходят самые настоящие чудеса: например, посетитель летнего кафе поет песенку, слышанную Леной Одинцовой во время путешествия в загробный мир, а Ленина подруга-художница изображает на картине Лохматова, которого никогда до этого не видела. Понимать это следует очень конкретно: так может быть и бывает. В финале напряжение, порожденное неустанной погоней за непостижимым, разрешается настоящим катарсисом.

«Когда я представил этот роман в крупное нью-йоркское издательство, ответ был суров: мир не готов к этой книге», — вспоминает Мамлеев в предисловии давний эпизод из судьбы «Шатунов». В мире, возможно, произошел некоторый прогресс, но Мамлеев — по-прежнему самый другой из всех других.